

*Мартынюк Э.И.,
кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

*Никитченко Е.Э.,
кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
Международного гуманитарного университета*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭСХАТОЛОГИИ (ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*«Жил был Бог. Он был несчастлив и одинок.
Настолько, что решил однажды забыть, кто он на самом деле,
и создать мир, в котором он был бы не один.
Так и сделал. Но не стал от этого счастливее.
Лишь рассыпался в своём вечном забвении миллиардами
наших одиночеств...» – долгими зимними
вечерами жители села Вещее Озеро рассказывают
грустные притчи, от которых хочется плакать»²*

Аннотация. В статье анализируется актуализация эсхатологии, которая имеет такие проявления: полиморфизм, полихронизм, банализация, вульгаризация, дадаизация, и т.д. Это разнообразие представлений и идей является реакцией общественного сознания на реальные и виртуальные угрозы существованию человечества, а также индивидуальное осознание смерти. Современная философская мысль констатирует присутствие гносеологического плюрализма в понимании «конца света», дополняет его неоптимистичными современными сценариями будущего общества, осуществляет поиск ответов на актуальные вопросы современности во всем историко-философском наследии и в разведках представителей разных форм знания повседневности.

Ключевые слова: эсхатология, вера, знание, амбивалентность.

Актуальность избранной для статьи темы не вызывает никаких сомнений. Однако научная добросовестность требует привести хотя бы несколько аргументов для её обоснования. Начнём с того, что: «В 2001 году самым популярным словом, которое задавалось на поиск в мировой сети, было слово «Нострадамус». Столкнувшись с невиданной по дерзости и жестокости силой, мир бросился в омут политических, конспирологических и мистических толкований» [1, с. 1].

И через десять лет в Интернете среди всех вопросов «когда» первое место занимает у пользователей сети интерес к тому, «когда будет «конец света» [2, с. 27].

Можно было бы под воздействием подобной аргументации сделать вывод о том, что вопрос о конце света это вообще «основной вопрос философии», но это было бы чересчур поспешно, ибо мы живём во времена, когда любой вопрос, стоящий перед человечеством может стать основным, и не только для философов.

Владислав Сикалов, обсуждая проблему, как трудно быть сегодня алармистом, считает, что в современном обществе много упраздняется: «Может не за горами изменение его привычной структуры, которая была видима и узнаваема во всём обозримом прошлом». При этом он ссылается на мнение философа Александра Пятигорского, согласно которому: «... для некоего решительного броска, идёт резкая переориентация, для чего весь массив достижений прошлого перегоняется в тотальную актуальность (подчёркнуто нами – Авт.)» [3, с. 19].

Разумеется, учитывая актуальность эсхатологических настроений, чувств, установок, представлений практически для всего человечества, с каждым годом увеличивается количество научных публикаций на эту тему. Перечень использованной для диссертационных работ литературы, связанной только с попытками философского осмысления апокалиптической проблематики содержит сотни наименований трудов, в зависимости от тех ли иных аспектов эсхатологического дискурса. Характеристика научных публикаций на рассматриваемую тему, представляет несомненный интерес для более полного ознакомления со всем диапазоном представленных в них точек зрения на эсхатологические чаяния прошлого, современности и на будущее, но их обзор не является нашей задачей.

Цель статьи ознакомить с теми идеями современных мыслителей и публицистов, которые представлены в средствах массовой информации, то есть с такими, что вышли за пределы малотиражных научных изданий и непосредственно участвуют в актуализации эсхатологии. И, на основе анализа подобного рода суждений, определить собственно гносеологическую составляющую современного отношения человечества к проблеме «конца света».

Само определение поднятой проблемы начинается с конкретной точки отсчёта. Может быть, в грядущем забудутся взрывы 11 сентября 2001 года.

² Сажнева Е. Ночь Сурка // Малый бизнес, 09.02.09. – С. 8.

Но на следующий же день после этой трагедии в статье «Взрыв, а не всхлип» Михаил Эпштейн написал: «С хронологической точностью можно констатировать, что в 10 ч. 28 мин. 11 сентября, с крушением двух башен близнецов Всемирного торгового центра закончилась эпоха постмодернизма. Реальность, подлинность, единственность, категории, которыми было принято пренебрегать в поэтике постмодернизма, основанной на повторе и игре цитат, на взаимоотражении подобия, жестоко за себя отомстили» [4].

Несмотря на то, что описать начавшийся нулевой цикл невозможно именно из-за его рыхлости и неопределённости, можно утверждать, что в нём уже заметны: «...конец социальной экспоненты» и трансцендентное, и гламур и чуткость, то есть, как заключает М. Эпштейн: «2000-е нулевые и взрывоопасные. Постмодерная стилиевая вздутость, округлость, пена — и растущая из неё угроза, почти апокалипсис, с утончёнными играми вокруг этого «почти — не почти», техновитализм и признак биотерроризма. Переплетение летальности и витальности: первая освежает вкус второй. Взрывная волна, проходящая через весь нынешний виток развития цивилизации и обещающая к середине нашего столетия взметнуть её вверх почти по вертикали. И такие же тенденции к дестабилизации, растождествлению, самоподрыву каждой культуры, всеми своими осколками разлетающейся в ранее закрытые пространства других культур» [4].

Прочитированное выше (и из А. Пятигорского и из М. Эпштейна) позволяет констатировать, что всё, что накоплено человечеством в области ощущений и представлений о «конце света» может: а) актуализироваться в любой момент, причём на всём своём пути «от мифа к логосу» и обратно; б) быть актуальным как мифы или религиозные чаяния современников (в первую очередь верующих авраамистических религий: иудаизма, христианства, ислама; а в той или иной степени, и других деноминаций) и неверующих, поскольку это может быть связано и с личными переживаниями смерти и футурологическими прогнозами; в) без прямого отношения к религии актуальными остаются и «светские» сценарии «гибели человечества», коих насчитывается не менее сотни; г) остаются актуальными и утверждения о том, что мы достигли «точки бифуркации»; что мы находимся в начале нового «осевого времени» и т.д. и т.п. и, наконец, д) что вся эта вышеназванная совокупность произведёт «кумулятивный эффект», станет «эмерджентной причиной» глобальных изменений в конкретно определённом, но по ощущениям не очень далёком будущем людей.

Исходя уже из подобных констатаций, можно также утверждать и то, как на длительном пути человечества объяснено людям, почему они ведут (должны вести) себя тем или иным образом тоже может быть актуализировано в настоящем и будущем (от идей древних греков о «добре» и «зле», иудейского завета с богом, социалистических идей раннего христианства, имперских идеалов Византии и т.д. и т.п. вплоть до фашизма, коммунизма,

либерализма, гуманизма современности). Точно также актуальна и возможность воспроизводства всей той критики, которой подвергали друг друга сторонники разных учений.

Вот, например, защищая учение К. Маркса от его критиков, А. Карпец подвергает сомнению тезисы оппонента, который, по его мнению, руководствуется распространённым мифом о том, что, мол, социумом движет сознание и идеи людей, что частично верно, но для XXI века примитивно, и далее утверждает, что «реально обществом движет психика как противоречивое единство сознания и бессознательно-го. Идеи истории обычно служат поверхностной реализацией более глубоких бессознательных импульсов, и реализуются лишь в том виде, в каком соответствуют доминирующей психологии общества» [5, с. 7].

Не знаем, был бы доволен К. Маркс подобной защитой, но то, что верность его учения защищается с позиции психоанализа, весьма актуально было уже и в эпоху Модерна, а тут мы имеем свидетельства подобной характеристики процесса познания и в средствах массовой информации XXI века.

Точно такую же актуальностью обладает и мнение А. Окары, о том, что эсхатологическое содержание культуры ставится в центр её понимания: «Великим культурам присуща отличная от локальных культур матрица. — Во главе угла их матрицы доминируют эсхатологические мировоззренческие установки и мироощущения» [6, с. 21].

Мы уже отмечали, что во главе новой культуры может актуализироваться любой её аспект, и, конечно, ему может быть придан эсхатологический смысл, но действительность куда более неразборчива, особенно в провоцировании конфликтов, в том числе и вооружённых.

Корреспондент «Московского комсомольца» Александр Будберг, принимая во внимание тот факт, что большинство людей уверены в том, что где-то есть ответственные люди, которые по долгу службы всё знают, за всем следят и не допустят ужасного финала, что победа Разума неотвратима, и полдень Разума ещё впереди, утверждает, что: «ничего подобного: ни таинственных сил, ни ответственных чиновников, которые всё предотвратят и обезвредят нет... Войну можно не начинать, но «запустив процесс», держать его в руках невозможно... Раскачать лодку «запустить процесс» становится возможным, когда критически большая масса людей «коллективно и бессознательно», начинает воспринимать очередное зло как возможный вариант, имеющий свои плюсы и минусы, который может привести к каким-то позитивным целям. Когда само понятие «война» перестанет быть строго табуированным» [7, с. 3].

Политолог Ральф Дарендорф выдвинул идею о самосбывающемся пророчестве. Если что-то постоянно повторять или чем-то постоянно пугать, это и сбудется [8, с. 2].

Если мы обратимся к философам, чьи идеи преобладают в предсказаниях скверного будущего человечества, то мы прочтём, о том, что «разложение заложено в самой природе, что невозможно

отрицать. Но без временного ограничения оно — незапамятное и неизбежное зло, к которому мы привыкли как к чему-то обязательному и естественному. А разложение цивилизации — творение наших рук и нашего воображения — особенно тягостно потому, что представляется случайным, сознаваемой или неосознаваемой обреченностью. Человеку выпадает время, в котором ему удаётся если не процветать, то, по крайней мере, жить, и совершенно очевидно, что он свыкается с этим, но вот ему угрожает падение, последствия, которого пока трудно представить» [9, с. 227].

Хотя оптимистов среди философов может быть в среднем и меньше, чем в других социальных группах, но их рассуждения о «светлом будущем человечества», в последние десятилетия практически не доводятся до тех широких масс, которыми и могли бы быть интересны. Конечно же, помним, как могут быть актуализированы и различного рода счастливые утопии, составленные в ушедшем тысячелетии. Но, что не делают философы, могут сделать и творцы массовой культуры. По крайней мере, песни с подобной тематикой давно уже вышли на сцену.

Один из последних примеров — из интервью певца А. Кортнева корреспонденту газеты «Вечерние вести»: «Алексей, Ваш новый альбом называется «Тоннель в конце света». Почему именно так? — Этот каламбур мы наполнили смыслом. Сейчас многие говорят, что конец света близок, или уже наступил. Массами владеют панические настроения. Мы же своими песнями хотим сказать, что даже в самых сложных ситуациях можно найти тоннель, который ведёт к свету» [10, с. 13].

Представители шоу бизнеса, как, впрочем, и все деятели, представляющие современное популярное искусство в его денежном выражении, уже давно оказывают влияние, в том числе и на актуализацию эсхатологических настроений и в утешении от печальных чувств, в связи с «концом света». Учитываем здесь этот факт лишь для того, чтобы по ходу отметить, что кроме науки, религии, философии на людей в решении эсхатологических проблем влияют и другие формы осознания действительности, в том числе и далёкие от вышеназванных социальных феноменов в смысле отсутствия, какого угодно теоретического уровня. Консюмеризм не является предметом нашего рассмотрения, но и «карма-колу» тоже нельзя сбрасывать со счетов, оценивая сферу познания современного человека в постижении «конца света», в последнем случае куда более доступную, чем философия, теология, политология и т.п.

Политический взгляд на будущее человечества тоже изменялся весьма значительно на постсоветском пространстве.

Как отмечал известный российский политолог А. Уткин: «пять мощных сил ведут мировое сообщество к новому состоянию. Первая — фиксация однополярности. Вторая — глобализация экономики. Третья — ослабление государств — наций. Четвёртая — поиски цивилизационной идентичности. Пятая сила — восстание бедного большинства мирового сообщества. Речь идёт о воздействии на мир пяти

неистребимых факторов — мощи, богатства, хаоса идентичности, справедливости. Результатом будет новая конфигурация миропорядка, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира» [11, с. 8].

То есть и тут мы можем отметить и мощь, составлявшую предпосылку господства древнего человека, и богатство как фактор, сопутствующий удачной политике со времён её появления, хаос — вообще из древнегреческой мифологии, согласно которой он всему и предшествовал; вот лишь «справедливость» из Нового времени (как политическая категория), да и идентичность досталась нам из уже недоминирующего модерна.

Украинский политолог Д. Выдрин, обсуждая перемены в нашем обществе отмечает, что «в мире существует всего четыре стратегии, которые были описаны впервые ещё в древнекитайской политологии: стратегия моральности, духовности, прагматизма и естественности» и считает, что на Украине, по крайней мере, в 2004 году было только четыре последовательных и полноценных харизматика (Ющенко, Мороз, Медведчук и Янукович), ибо каждый из них интуитивно выбрал ту жизненную и одновременно политическую стратегию, которая отвечает его естеству, его социальному генотипу, социальному темпераменту, психологическим особенностям, его родословной, месту и времени происхождения [12, с. 4]. Интересно, как бы звучало в древности по-китайски: «политология», «социальный генотип» и т.п. Вопрос возникает ещё и потому, что мы пока словом не обмолвились об эсхатологической проблеме, связанной с лингвистическими изысканиями, которые ещё в XX века пролили свет на устойчивые структуры языка, влияющие на восприятие его носителями в том числе апокалиптических словосочетаний. А если в языке нет будущего времени или их больше (времён), чем в славянских языках? Но ведь, согласно фиксируемой в нашей статье точке зрения актуализироваться могут и различные языковые средства выражения эсхатологических представлений прошлого.

Само научное познание, его процесс: «...с конца XX века начал постепенно расслаиваться на две составляющие. На традиционное знание, цель которого — создание технологий преобразования мира в соответствии с интересами и потребностями человека; и на предупреждающее знание, которое заранее просчитывает влияние инноваций и преобразовательной деятельности человека на общество, природу и ближайший космос. Обе составляющие развиваются параллельно, и одна питает другую...Каким в итоге может быть результирующий вектор раздвоившегося потока научного знания: традиционного «опасного знания» и знания предупреждающего, мы пока не знаем. Единственное, что можно сказать: мы живём в интересную и страшную эпоху, когда от позиции каждого жителя Земли, от его личного выбора здесь и сейчас зависит будущее разумной жизни во Вселенной — человеческим оно будет или же постчеловеческим» [13, с. 13].

Согласно концепции британского профессора, члена Британского королевского научного общества

Джеймса Лавлюка: «человек, благодаря своей вере в бесконечный научно-технический процесс и в свою способность сугубо рационально и исчерпывающе познать мир, который является объектом активного преобразования, уподобляет себя божественной силе, будучи по своему естеству существом конечным. Если человек бросает вызов Гее, то не минуемо он будет испытывать катастрофы, поскольку ведёт борьбу с собой» Гея, по гипотезе Д. Лавлюка есть самостоятельный организм, включающий в себя всю биоту и человека. Подводя итог учению Д. Лавлюка, С. Грабовский заключает, что это определённая мировоззренческая и философская система, которая радикально отрицает антропоцентризм»: «...даже больше — здесь речь идёт и об определённых, квазирелигиозных установках, которые нуждаются в осознанном принятии нашими современниками необратимого наказания за прошлые грехи человечества. Этого наказания, как следует из концепции Д. Лавлюка, избежать уже нельзя, его можно только кое-как смягчить, если нынешнее и следующее поколение будут вести себя соответствующим образом...» [14, с. 20].

Вячеслав Шестопалов, академик НАН Украины считает, что: «... в качестве базовой идеологии дальнейшего сосуществования и развития человечества и биосферы нужно взять принцип управляемой коэволюции. Этот принцип должен базироваться на глубоком знании законов, факторов и процессов экологической биологии, молекулярной биологии, генетики, биоинженерии, информационной и нанотехнологий, наук геологического и географического направления. Принцип управляемой коэволюции относится к единой системе «человек — природа». Управляемость будет означать также ускорение эволюции природы в соответствии с темпами развития человечества» [15, с. 15].

Российский политолог М. Дежурин, считает, что в современном мире победу нельзя одержать ни в экономической, ни в военной, ни даже в культурной сферах. Остаётся сфера сознания: «Во многих странах сегодня идёт активный поиск «образа будущего». Для мировых центров силы это процесс совершенствования уже имеющихся наработок. Мы отстаем, и это серьёзно ослабляет наши позиции в мире. Накануне Второй мировой войны Советский союз имел свой образ «счастливого будущего», внедрение которого в общественное сознание по всему миру шло достаточно успешно. И в войне победил [16, с. 2].

Наверное, СССР победил все же не по этому. О внедрении его образа за пределами Союза данные весьма противоречивые, но то, что сознание стало важнейшим полем для формирования различных образов, в том числе и «будущего», причём ещё и способом манипуляции этим сознанием факт давно уже известный. Какой же «образ будущего» у граждан Украины, например? «Если верить данным Киевского международного института социологии, оно, как и следовало ожидать, разнопланово, и не выражает особого оптимизма. Понимая, что с философского взгляда, проект будущего — это поиск новой целостности, которая где-то там

— за горизонтом, это поиск нового социального порядка... попытка уменьшить чувство абсурда, И. Кириченко, анализируя ответы опрошенных в Украине граждан, приходит к совершенно пессимистическому выводу» — «Украинский социум — это постгеноцидное, постимперское, постчернобыльское, постсоветское сообщество, которое стоит спиной к будущему» [17, с. 20].

Более поздний опрос «Дня» в Интернете показал, что в будущее смотрят с оптимизмом — 29,63% опрошенных украинцев; с надеждой — 32,41%; с сомнением — 10,19%; со страхом — 11,11%; с ужасом — 15,7% и не задумывались над этим — 0,93% опрошенных.

Если попробовать уйти от всякой мистики и трансцендентных толкований, то у нынешних эсхатологических проблем можно увидеть и вполне земные корни. Как считает Йошка Фишер (министр иностранных дел и вице-канцлер Германии с 1996 по 2005 годы, лидер партии зелёных на протяжении 20 лет): «После окончания холодной войны все барьеры рухнули и мировая экономика претерпела фундаментальные изменения. До 1989 года мировой рынок включал от 800 млн. до 1 млрд. человек. Сегодня он в три раза больше и продолжает расти. Действительно, мы являемся свидетелями одной из самых значительных революций в современной истории, и она проходит практически незамеченной. Из модели, применимой к меньшей части мирового населения, западное потребительское общество становится формирующейся экономической моделью в мире, которой всё сложнее найти альтернативу, к середине века её законы могут оформлять жизнь семи миллиардов человек» [18, с. 3].

Исходя из конкретных задач, в деле уменьшения количества жертв катастроф, Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Пан Ги Мун пишет, что «миф о том, что разрушения и жертвы, к которым приводят стихийные бедствия, так или иначе, неизбежны, будучи неизбежным следствием природного явления, почти столь же опасен, как и сами циклоны и землетрясения. Действительно, мы не можем предотвратить самих событий, однако мы можем определить, как нам следует реагировать, и своими действиями можем или усугубить бедствия, или уменьшить их» [19, с. 3].

Вполне традиционно смотрят на проблемы, стоящие перед человечеством и многие современные учёные. Совсем недавно, нобелевские лауреаты на своей ежегодной конференции в Стокгольме выступили с обращением к ООН, в котором говорится о том, что надо сделать для спасения человечества в эпоху антропогена. В «Стокгольмском меморандуме» подчёркивается: «нынешнее поколение людей — первое, которому выпало осознать новые опасности, стоящие перед нами. Следовательно, мы больше не можем жить так, как жили наши предки, и менять образ жизни надо как можно скорее... Нобелевские лауреаты считают, что только наука способна указать путь к глобальной стабильности» [20, с. 23].

Какие возможны сценарии планетарного кризиса тоже в общем предвидеть не сложно. «По

первому сценарию, действия мировой элиты были объективными и своевременными, опасные тенденции остановлены. По второму — остановлены не были: и на народы, которые были подготовлены к планетарному кризису или слабо зависящие от изменения окружающей среды, природные катаклизмы не оказали разрушительного влияния, как это имело место в развитых странах. Поэтому они станут выполнять историческую миссию возрождения новой человеческой цивилизации. Сценарий третий — прогресс на земле остановится. Из точки бифуркации биосферы процесс пошёл в необратимом направлении. Жизнь постепенно угасла» [21, с. 12].

С. Аверинцев изменил финал статьи «эсхатология» в той версии, которая была опубликована в 2001 году, в «Новой философской энциклопедии» (т.4), добавив в неё «банализацию» эсхатологии вообще, распространившуюся после падения СССР и «вульгаризацию» индивидуальной эсхатологии. Отмечая это обстоятельство, К. Сигов пишет, что С. Аверинцев завершает эту новую редакцию предупреждением: «...ситуация серьёзной эсхатологии, оказавшейся в угрожающем пространстве между агрессией и со стороны секуляризма, и со стороны сектантского духа, проблема для сегодняшнего религиозного мыслителя, какова бы ни была его профессиональная (внеконфессиональная) принадлежность» [22].

К вышеназванным «банализации» и «вульгаризации» эсхатологии мы бы хотели добавить ещё и её «дадаизацию» в современном обществе. У нас уже накопилось достаточно анекдотов, распространяемых СМИ, чтобы сделать вывод о высмеивании практически всех сторон апокалиптического дискурса. Одним из первых был, наверное, анекдот о том, что, наконец, местечковые евреи дождались Машиаха. Радость, слёзы, суматоха... Все быстренько собирают вещи, чтобы двинуться вслед за Машиахом в Иерусалим. И только старый Зильберман чего-то копается, перекладывает бумажки, делает быстрые записи. Евреи нервничают:

— Зильберман! Сколько можно, уже все собрались!

— Минутку, минутку. Я сейчас.

Теперь уже не выдерживает Машиах:

— Уважаемый, вы всех задерживаете, сколько можно вас ждать?

— Ой-ой! Кто бы говорил...» [23, с. 26].

Размеры статьи не позволяют привести иные возможные оценки будущего человечества. Но и приведённые суждения позволяют сделать вывод о том, что проблема познания эсхатологических настроений и представлений людей, если не зашла в тупик, то может пригодиться в качестве ещё одного свидетельства о грядущем, или уже наступившем планетарном кризисе разума. С одной стороны, осознаётся в рамках всех когда-либо существовавших форм познания грядущая катастрофа, с другой, она мистифицируется, банализируется, архаизируется, вульгаризируется, дадаизируется. Можем отметить также полихронизм и полиморфизм существующих эсхатологических представлений и их оценок, но в

целом, определить наше понимание сложившейся ситуации можно термином «амбивалентность», который давно уже вышел за пределы психиатрического синдрома шизофрении.

Однако, если «актуализация эсхатологии» как процесс, согласно всем представлениям, присутствует в настоящем и направлен в будущее, то следует ли считать это его единственным вектором? Ведь точно также он может быть обращён и в прошлое, и свидетельствовать об амбивалентности сознания с архаических времён, конкретно с тех, когда начинает формироваться познание, и появляются «первые признаки конца света»

Специалист в области психопатологии К. Ясперс писал: «принято говорить, что разрушение «Я» отражается в шизофреническом переживании конца света. Это объяснение неполно. По существу, переживание конца света — глубоко религиозное переживание символической истины, которая служит человеческой экзистенции на протяжении тысячелетий» Приводя эту цитату, Л.Н. Арьев обращает внимание на то, что «...религия недвусмысленно отделяется Ясперсом от психопатологии. Оснований, каких-либо эмпирических данных или хотя бы умозрительных рассуждений для столь категорического вывода, однако же, не приводится. Что идея конца света «служит человеческой экзистенции на протяжении тысячелетий», это ещё ни о чём не говорит, мало ли, сколько ошибочных идей сослужили службу (и не всегда плохую, человечеству» [24, с. 24].

Исследовав, как психопатолог, содержание эсхатологических представлений, цитируемый автор пришёл к выводу: «итак: инстинктивная ненависть к разуму, сознательный отказ от последовательности в мышлении, нечувствительность к противоречиям и отрицание соответствующего логического закона, нарушение принципа тождества и подмена тезиса, оперирование неверифицируемыми утверждениями: контаминация, инкогеренция, непонимание линейного времени — вот основные паралогические подпорки религиозной идеи... Эти же самые феномены являются базисными паралогическими нарушениями, поддерживающими бредовую убеждённость психически больного человека» [24, с. 65]. Вообще, он заканчивает своё исследование данного вопроса тем, что «религиозная вера идентична любой бредовой идее не только своими феноменологическими характеристиками (субъективной убеждённостью, невыводимостью из объективных данных, устойчивостью к контраргументам), но и природой своих защитных механизмов, то есть базисными паралогическими нарушениями [24, с. 65].

Не вступая в дискуссию с психопатологами, заметим, что точно так же можно охарактеризовать любую веру и веру как таковую. В том числе и в любое «светлое» или «мрачное» будущее. Тогда, если взглянуть на ответы граждан Украины по поводу будущего то, окажется, что это самая здоровая в психическом отношении нация. Тем не менее, как известно, мы лидируем в мире по количеству психически больных людей.

Характеризуя особенности веры, В.Ю. Ирхин и М.И. Кацельсон утверждают, что: «веру и непосредственное знание, связывал (по существу, отождествлял) и Гегель. Вера является также необходимой предпосылкой начала любого (в том числе, научного) исследования» [25, с. 99-100].

И если кого то пугает умножающееся количество верящих в конце света на разных основаниях, то можно вспомнить и те верования, где истина понимается: «не в логическом смысле и не выражается универсально и однозначно. В некотором смысле, буддийский подход является «прагматическим»: «Все словесные учения существуют просто для лечения болезней. Поскольку болезни неодинаковы, неодинаковы также и средства. ...Истинные слова лживы, если они порождают самоуверенные мнения. Лживые слова истинны, если они отсекают заблуждения. Поскольку болезни не реальны, для них существуют только нереальные средства (Бай-чжан)» [25, с. 104].

И, наконец, уже как отклик из наиболее близкого нам раздела философской мысли — религиоведения. Один из ведущих религиоведов Украины, рассуждая о ядерной катастрофе в Японии, её схожести с чернобыльской трагедией, считает, что она свидетельствует о том, что последняя не была каким-то проявлением тех пророчеств, что содержатся в Апокалипсисе про звезду Полюнь: «Но ещё раз затронула проблему всемилости Бога. Скажем здесь словами Т.Г. Шевченко: «За що ти караєш їх нещасних?» Чем этот народ так разгневал Всевышнего, если он посылает на него такие стихийные бедствия? С одной стороны, в этом не надо выискивать нечто необычное и сверхъестественное: природа действует соответственно своим, ещё непознанным, а от того не учтённым человеком, процессам. Но это можно рассматривать и как реакцию — месть природы человеку за непродуманные и непредусмотренные способы покорить её. Вот тут и срабатывает библейская мудрость: «во многой мудрости много печали» [26, с. 26-27].

Литература

1. Евдокимов В. Десятилетие в картинках // «Зеркало недели». — 30.12.10 — С. 1.
2. Топ вопросы // Сегодня. — 31.03. 11. — С. 27.
3. Сикалов В. Быть или не быть алармистом? // «Зеркало недели». — 14.01.06.
4. Эпштейн М. Нулевой цикл столетия // «Звезда». — 2006. — №2. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/2/ep16.html>
5. Карпец А. Карл Маркс: до сих пор непрочитанный гений или зловещий идеолог тоталитаризма? К 125-летию со дня рождения // День. — 15.03.08 — С. 7.
6. Окара А. «Культурный суверенитет» нации в эпоху постмодернизма, или как перекодировать «локальную» культуру // «Зеркало недели». — 10.11.07. — С. 21.
7. Будберг А. Не надо выполнять предсказания // «Московский комсомолец». — 09.02.09. — С. 3.
8. Кива А. «Самосбывающиеся пророчества» // «Литературная газета», 27.04. — 05.05.05. — С. 2.
9. Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX — XXI вв. — М.: Алгоритм, 2007. — 272с.
10. Воронина В. Интервью с А. Кортневым // Вечерние вести. — Режим доступа: www.vvnews.info
11. Уткин А. Геоструктура XXI века. Наступает время, когда пророчества обернутся приговорами // Независимая газета. — 01.09.2000. — С. 8.
12. Выдрин Д. Перемены, мой друг, перемены // «Зеркало недели». — 20.03.04. — С. 4.
13. Гагаш В. «Опасное знание»: как не погибнуть от собственного разума? // «Зеркало недели». — 06.10.07. — С. 13.
14. Грабовский С. Месь Гей: Климатическая катастрофа уже началась? // День. — 11.12.09. — С. 20.
15. Шестопалов В. От квазицивилизации до ноосферы. О стратегии преодоления глобального экологического кризиса // «Зеркало недели». — 12.04.08. — С. 15.
16. Дежурин М. Образы будущего // Литературная газета. — 06.12.08. — С. 2.
17. Кириченко И. Жизнь по целевому назначению? Украинцы будущего // «Зеркало недели». — 03.11.07. — С. 20.
18. Фишер И. Возвращение к «пределам роста» // День. — 03.11.07. — С. 3.
19. Пан Ги Мун, Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций «Время искать новые пути преодоления бедствий» // День. — 19.07.08. — С. 3.
20. Целиков Ю. Нобелевские лауреаты знают, как спасти человечество // Публика. — 24.05 — 30.05.11. — С. 25.
21. Присняков В. Фантастические зарисовки будущего могут стать реальностью // «Зеркало недели». — 16.12.2006. — С. 11.
22. Сигов К. Актуальные аспекты эсхатологии Сергея Аверинцева. — Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/theology/1188/>
23. Кульчинский Г. Смотрите, кто пришёл // Окна, (Израиль). — 31.01.08. — С. 26.
24. Арьев Л.Н. Религиозная психопатология / Одес. гос. мед. ун-т, 2009. — 310с.
25. Ирхин В.Ю., Кацельсон М.И. Уставы небес. 16 глав о науке и вере. — 2-изд., перераб. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 384с.
26. Колодний А. Релігійна панорама. — 2011. — №2. — С. 26-27.

Мартинюк Е. І., Никитченко О. Е. Актуалізація есхатології (гносеологічний аспект). – Стаття.

Анотація. Актуалізація есхатології має такі ви-яви: поліморфізм, поліхронізм, баналізація, вуль-гарізація, дадаїзація і таке інше. Це різноманіття уявлень, думок є реакцією суспільної свідомості на реальні та віртуальні загрози існуванню людства, та індивідуальне осягнення смерті. Сучасна філо-софська думка констатує наявність гносеологічного плюралізму в розумінні «кінця світу», доповнює його модерновими неоптимістичними сценаріями майбут-нього суспільства, здійснює пошук відповідей на актуальні питання сучасності в усьому історично-філософському доробку та в розвідках представників різних форм знання сьогодення.

Ключові слова: есхатологія, віра, знання, амбі-валентність.

Martyniuk E., Nykytchenko O. Actualization of eschatology (aspect of gnoseology). – Article.

Summary. Actualization of eschatology has the following manifestations: polymorphism, polihronizm, banalitization, vulgaritization, dadaization and so on. This diversity of ideas, thoughts is a reaction of social consciousness to real and virtual threats the humanity is faced, and an individual comprehension of death. Modern philosophical thought finds the presence of epistemological pluralism in understanding of «doomsday», complements it with the non-optimistic modern scenarios of the future society, searches for answers on urgent question of our time all around the historical and philosophical heritage and the explorations of researchers in different forms of knowledge today.

Key words: eschatology, faith, knowledge, ambivalence.